

РЕЦЕНЗИИ

Доверьтесь Ченам

«Уморительный, искренний роман о — о чем же еще, как не о?.. — непреднамеренном убийстве и семейных узах. Уже после первых пяти страниц он заставил меня смеяться в голос и до самых последних держал в напряжении и восторге. Эта бесконечно мудрая, крайне забавная и совершенно очаровательная книга наверняка станет одной из лучших в этом году!»

Эмили Генри, автор бестселлера по версии «Нью-Йорк Таймс» «Пляжное чтение»

«Я в восторге. Остроумно, оригинально и очень смешно. Я не могла оторваться от книги и сбилась со счета, сколько раз смеялась вслух».

Бет О'Лири, автор бестселлера «Выключатель» по версии «Санди Таймс»

«Заверните романтическую комедию в детективную историю, посыпьте «Уикендом у Берни»¹, и вы получите эту восхитительно веселую, добрую книгу... Если вы любите ромкомы (это *идеальный* вариант для экранизации), не пропустите эту жемчужину 2021 года».

«Бук Райот»

«Лучше всего Сутанто удались образы подтрунивающих, вмешивающихся во все тетушек («Как ты могла свести Мэдди с таким придурком?» — ругалась четвертая тетька на ма»), которые отлично умеют сеять хаос. Эта книга прекрасно подходит для легкого и приятного времяпрепровождения».

«Паблшерс Уикли»

---

¹ Криминальная комедия 1989 года.

*Маме и папе,
которые обязательно помогли бы мне
спрятать мертвое тело*

Дорогой читатель,

благодарю тебя за то, что выбрал «Доверьтесь Ченам». Эта книга — любовное послание моей до смешного большой семье с длинной историей иммиграции. Все четверо моих бабушек и дедушек переехали из Китая в Индонезию между 1920 и 1930 годами и сразу сменили свои китайские имена на индонезийские, чтобы избежать травли. Чен стали Сутанто, а Хо стали Виджая. Со временем они полностью влились в индонезийскую культуру, и то же самое произошло с их потомками. Мои родители выросли, разговаривая на индонезийском языке, который был для них родным, в то время как мандаринский стал уже вторым.

В девяностых годах родители отправили нас из Индонезии в Сингапур вместе с другими детьми, чтобы избежать творящихся там беспорядков и столкновений с китайским населением. К счастью, сейчас Индонезия — на удивление разнообразная страна в плане рас и религий, и нам предоставлена такая свобода, какой не было у наших родителей. Находясь в Сингапуре, мы с моими двоюродными братьями и сестрами быстро освоили английский язык, и он стал нашим родным. Некоторые из нас (кхе-кхе, я) почти полностью забыли индонезийский. Всякий раз, когда мои родители приезжали в гости, мы с трудом понимали друг друга.

Результатом всех этих переездов стала мешанина из множества языков. Формально моя семья говорит на трех, но каждый из них не идеален. Мне комфортнее всего общаться на английском, чуть меньше — на мандаринском, потому что я десять лет

изучала его в Сингапуре, и самым слабым у меня индонезийский. Мои родители свободно говорят на индонезийском и мандаринском языке и ломано — на английском. Когда мы общаемся, наша речь звучит нескладно, с паузами, и нам часто тяжело преодолеть языковой барьер, чтобы понять друг друга. Это та цена, которую моим родителям пришлось заплатить, чтобы мы с братом оставались в целостности и сохранности.

Некоторые из тетюшек в книге говорят на таком же ломаном английском, что и мои родители. Их английский не свидетельствует о низком интеллекте, он является отражением жертвы, которую они принесли ради нас. Они, по сути, трилингвы, и я очень горжусь таким наследием. Во время написания книги я четко осознавала, что нахожусь на очень тонкой грани между достоверностью и стереотипом, и надеюсь, что она бросает вызов последнему. Эта книга ни в коем случае не является отображением азиатского сообщества в целом; ни одно отдельное произведение не может представлять такое большое сообщество людей.

Я надеюсь, что «Доверьтесь Ченам» даст вам возможность хоть немного окунуться в ту неистовую любовь, в которой мы росли и которая оберегает нас и по сей день.

С наилучшими пожеланиями,
Джесси.

Пролог

Восемь лет назад

На моей семье лежит проклятие. Оно преследовало нас от самого Китая, где забрало моего прадеда (несчастный случай на ферме, в котором участвовала беременная свиноматка и неудачно лежащие грабли), и до Индонезии, унеся жизнь моего деда (инсульт в возрасте тридцати лет, что не столь драматично, как смерть прадеда, но все равно довольно печально). Мама и тети были уверены, что китайское проклятие не последует за ними на Запад, поэтому, выйдя замуж, все переехали в Сан-Габриэль, штат Калифорния. Но проклятие не только догнало их, но даже мутировало. Вместо того, чтобы убить мужчин моей семьи, оно заставило их уйти, что гораздо хуже. По крайней мере, дедушка умер, горячо любя мою бабушку. Первым ушел старший дядя. Потом второй дядя, а потом — мой отец, который ушел, не сказав ни слова, посреди ночи. Просто встал и исчез, как призрак. Однажды утром я проснулась и спросила, где он, а мама поставила передо мной миску с конджи² и сказала: «Ешь». Тогда я поняла, что проклятие настигло и его. Когда мои двоюродные братья окончили школу, тоже уехали, выбрав обучение в Нью-Йоркском университете и Пенн Стейт, а не в одном из лучших колледжей Калифорнии.

---

² Конджи — обобщающий термин для разных азиатских блюд из разваренного риса. По консистенции напоминает густой суп или жидкую кашу.

— Ах, Нэт, тебе та-а-ак повезло, — сказала старшая тетья моей маме в тот день, когда та объявила, что я подала документы в восемь колледжей, и все они в Калифорнии. Самый дальний из них — Беркли, и мы бесчисленное количество раз спорили из-за него.

Ма³ считает, что все, что дальше Калифорнийского университета в Ирвине, слишком далеко, ведь она не сможет случайно зайти ко мне в общежитие и прибраться в комнате или поворочать на мою соседку, чтобы та ложилась спать пораньше и пила много воды. Сын старшей тети, Хендра, учится в Бостонском колледже и игнорирует 99,999 процентов ее звонков. Остальные 0,001 процента — это когда у него заканчиваются деньги, и ему приходится просить у нее еще.

— О, как повезло, — произносит вторая тетья, с грустной улыбкой похлопывая себя по груди, вероятно, думая о моей кузине Никки, которая сейчас в Филадельфии. Она никогда не звонит и приезжает только раз в год. Ее второй сын, Аксель, живет в Нью-Йорке. Последний раз я видела его два года назад, перед самым переездом. «Наконец-то, — сказал бы он. — Когда придет твоя очередь, Мэдди, беги как можно дальше и не оглядывайся».

— Дочери никогда не оставят тебя. Дочь — это такое благословение, — продолжает вторая тетья. Она протягивает руку и треплет меня за щеку.

Самая младшая тетья ворчит, продолжая чистить жареные соленые тыквенные семечки. Для нее ма — главный враг, и она скорее подавится, чем признает ее самой счастливой из них. Но, когда мама не видит, она подмигивает мне. «*Я горжусь тобой, детка*».

Я еле заметно улыбаюсь. Потому что вроде как солгала ма. Я действительно подала документы в восемь колледжей в Кали-

---

³ Ма (с кит.) — мама.

Доверьтесь Ченам

форнии, но, кроме них, также еще в девятый — Колумбийский. Не знаю, зачем это сделала, потому что крайне маловероятно, что мне удастся туда поступить, да и непонятно, как бы мы потянули такую непомерно высокую стоимость обучения.

Через несколько месяцев я держу в руках письмо о зачислении и смотрю на него, и смотрю, и...

Я комкаю его. И выбрасываю в мусорное ведро. Я не такая, как мои двоюродные братья. Я не такая, как мой отец и мои дяди. Не могу просто бросить свою семью. Особенно маму. Я не настолько глупа, чтобы думать, что проклятие обойдет меня стороной. Спустя годы, когда мой будущий муж уйдет от меня, рядом со мной останутся только мама и мои тети. Поэтому я говорю им, что собираюсь в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Мама плачет. Мои тети (даже самая младшая) кричат и обступают меня, обнимая, ласково хлопая по щекам и сокрушаясь о том, что у них нет дочерей.

— Тебе так повезло, — в миллионный раз говорит маме старшая тетя. — Она останется с тобой и всегда составит тебе компанию.

Неужели это правда? Неужели я обречена остаться с ними навсегда только потому, что единственная, кто не настолько бессердечен, чтобы уйти? Я выдавливаю улыбку и, пока они суетятся вокруг меня, благосклонно киваю, пытаюсь представить свою жизнь, которую проведу в одном доме с мамой и тетями.

ЧАСТЬ I

ДЕВУШКА ВСТРЕЧАЕТ ПАРНЯ

(Возможно, кто-то влюбится
в сети, а также кто-то может
умереть. Увидим)

1

Сегодняшний день

Я делаю глубокий вдох, прежде чем открыть двери, сквозь которые доносится шум и какофония мандаринского и кантонского диалектов. Отступаю в сторону, чтобы мама вошла внутрь передо мной. Это не проявление вежливости, хотя я вежлива, а обыкновенное здравомыслие. Мама выросла в китайском квартале Джакарты, кишашем людьми, и знает, как пробиться через толпу. Через любую толпу. Если бы впереди шла я, то лишь пищала бы: «Извините... Ой, простите. А... Вы не могли бы... У меня заказан столик...» Мой голос утонул бы в этом шуме, и мы застряли бы перед рестораном на целую вечность. Или, по крайней мере, до тех пор, пока в районе не утихнет ажиотаж вокруг димсамов, то есть примерно до двух часов дня.

Как бы то ни было, люди толкаются позади ма, пока она прокладывает путь через толпу семей, ожидающих свои столики, и я бы потеряла ее из виду, если бы не держалась за ее руку мертвой хваткой, как будто мне всего три года. Даже не думая останавливаться у стойки регистрации, она входит внутрь, будто это место принадлежит ей, и орлиным взглядом осматривает большой обеденный зал.

Как можно описать хаос, который царит в димсам-ресторане в самом сердце долины Сан-Габриэль в 11 часов утра? Здесь около сотни круглых столиков, за каждым из которых сидит семья, причем во многих из них присутствуют представители трех-четырёх поколений. Седовласые бабушки с морщинистыми,

как чернослив, лицами держат на коленях пухлых младенцев. Официантки толкают исходящие паром тележки, хотя, если вы назовете их «официантка», они никогда к вам не подойдут. Вы должны обращаться к ним Ай Йи, то есть «тетушка», и отчаянно махать рукой, привлекая внимание. И, как только они останавливаются, клиенты слетаются, как стервятники, и начинают сражаться за бамбуковые пароварки в тележке. Люди кричат, спрашивая, есть ли у них Сиу Май⁴, или Хар Гоу⁵, или Ло Май Гай⁶, а Ай Йи достают нужные блюда из глубин своих тележек.

Мой мандаринский язык ужасен, а кантонский вообще никогда не годится. Ма и тетушки часто пытаются помочь улучшить мои навыки, говоря со мной на мандаринском или индонезийском, но потом сдаются и переходят на английский, потому что я все равно понимаю лишь пятьдесят процентов из того, что они говорят. Их английский далек от совершенства, но он гораздо лучше, чем мой китайский или индонезийский. Это еще одна причина, по которой мне очень трудно заказывать еду в димсам-ресторанах. Чаще всего к тому времени, как Ай Йи замечает меня и понимает мой заказ, все самое вкусное уже разбирают. И остается только самый отстой, как, например, рыхлые вегетарианские пельмени или приготовленная на пару бок-чой⁷.

Но сегодня...Ах, сегодня хороший день. Мне удалось за-получить две порции Хар Гоу⁸, которые, безусловно, оценила бы старшая тетья, и даже Лоп Чанг Бао — китайские роллы с сосисками. Они почти оправдывают все мои мучения, связанные с еженедельными походами в димсам-ресторан.

---

⁴ Китайские пельмени на пару со свиной и креветками.

⁵ Китайские пельмени с начинкой из ростков бамбука и тигровых креветок.

⁶ Рис с начинкой из курицы, грибов или колбасы.

⁷ Сорт китайской капусты.

⁸ Традиционные кантонские клецки, которые подают в димсам-ресторане.

Тетя одобрительно кивает, когда Ай Йи ставит бамбуковые пароварки на середину стола, и мне невыносимо хочется бить себя в грудь и кричать: «Это я ухватила эти пельмени с креветками! Я!»

— Ешь больше, Мэдди. Ты должна набраться сил до завтра, — говорит мне старшая тетя на мандаринском, положив два куска тушеных свиных ребрышек на мою тарелку, пока я аккуратно раскладываю пельмени по тарелкам остальных и наливаю им чай. Вторая тетя разрезает Ча Сиу Бао⁹ на две части и кладет поровну каждому на тарелку.

Круглый стол означает, что каждый может сам дотянуться до любого блюда, но китайская семейная трапеза не будет таковой без того, чтобы подкладывать друг другу еду, потому что так мы показываем свою любовь и уважение. А значит, должны делать это как можно более показушно. Какой смысл подавать старшей тете самый большой сиу май, если никто этого не заметит?

— Спасибо, старшая тетя, — покорно говорю я, положив на ее тарелку Хар Гоу. Я всегда отвечаю по-английски, независимо от того, на каком языке ко мне обращается моя семья, потому что вторая тетя как-то сказала, что от моего индонезийского и китайского у нее повышается давление.

— Ты тоже ешь больше. Мы все рассчитываем на тебя завтра. И ты, вторая тетя.

Второй по величине Хар Гоу отправляется на тарелку второй тети. Третий по величине достается четвертой тете, а последний оставшийся, самый маленький, идет на тарелку ма. Это показывает, что мама хорошо воспитала меня, чтобы я заботилась прежде о других, а не о себе.

Тетя отмахивается от моих банальностей ярким жестом руки, увешанной драгоценностями.

---

⁹ Китайские паровые булочки со свиной.

— Мы все рассчитываем друг на друга.

Головы с пышными кудрями кивают. У четвертой тети самые пышные волосы, на что ма постоянно жалуется мне наедине.

— Она всегда такая эссентричная, — сказала однажды ма, что прозвучало одновременно и смешно, и ужасно. Я спросила ее, где она услышала это выражение, и она сказала, что от нашей соседки тетушки Ли Ин, что было ложью, но я уже двадцать шесть лет живу с ма и знаю, что с ней лучше не спорить. Поэтому я лишь сказала, что правильно говорить эксцентричная, а не эссентричная, на что она кивнула, пробурчала что-то и вернулась к нарезке зеленого лука.

— Хорошо, — произносит старшая тетя, хлопнув в ладоши. Все сразу садятся ровнее. Старшая тетя старше второй тети на десять лет, и в основном она воспитывала своих сестер, пока бабушка была на работе. — Прическа и макияж?

Вторая тетя кивает, доставая телефон, и надевает свои очки. Она стучит по нему указательным пальцем, бормоча:

— М-м-м, как же называется это приложение? Мэдди использовала его, чтобы подобрать мне прическу. Пин что-то там.

— «Пинтерест», — вздыхаю я. — Я могу помочь тебе найти его...

— Нет, Мэдди. — Тетя бросает на меня строгий взгляд, и я сдаюсь. — Ты не должна помогать. Если завтра вторая тетя не сможет найти приложение, когда будет с невестой, мы точно потеряем лицо. Мы должны быть профессионалами, — говорит она. Или, по крайней мере, я думаю, что она сказала именно это.

Тетя говорит так быстро, что мне трудно уловить смысл, но я определенно расслышала слова на мандаринском, означающие «потерять лицо» — это ее любимая фраза.

Вторая тетя поджимает губы, а ее левая щека слегка дергается. Как четвертая тетя до смерти раздражает ма, так вторая тетя и старшая тетя далеко не всегда ладят между собой. Не

спрашивайте, почему; возможно, это связано с тем, что они обе старшие. Или, возможно, было что-то в их непростом прошлом. В семье моей мамы происходило много драм, особенно в Джакарте. За эти годы я слышала много обрывков разных историй, в основном от ма.

— Ха! — выкрикивает вторая тетья, размахивая своим телефоном с «Пинтерест» на экране, словно это меч, который ей только что удалось вытащить из камня.

— Я нашла его. Тот стиль, который выбрала невеста. Я пробовала сделать подобную прическу Мэдди, и это выглядело великолепно. — Она поворачивается ко мне и переходит на английский. — Мэдди, у тебя есть фото с той прической?

— Есть, — отвечаю я, быстро доставая свой телефон. Открываю нужную фотографию, и вторая тетья держит наши телефоны рядом, показывая всем две фотографии.

— Ух ты, — говорит ма. — Она так похожа на модель! Очень хорошо, сестренка.

Вторая тетья тепло улыбается ей.

Четвертая тетья кивает и отвечает по-английски:

— Да, они почти идентичны. Это впечатляет.

Ее английский лучше, чем у остальных, и это еще одна вещь, за которую мама никогда не простит ее, хотя сама она говорит по-английски лучше, чем ее старшие сестры. Ма утверждает, что четвертая тетья любит использовать сложные слова (то есть те, в которых более двух слогов) только для того, чтобы подколоть ее. Возможно, так и есть, но это лишь одна из многих истин, которые мы никогда не узнаем.

— Завивка не очень хорошо смотрится на азиатских волосах, — говорит старшая тетья.

Тот факт, что она говорит по-английски, означает, что замечание наполовину относится ко мне. Мое нутро сжимается от чувства вины, хотя я тут совершенно ни при чем.

— И почему ты выбрала для работы светлые волосы?

Вторая тетя бросает на нее гневный взгляд:

— Я не выбирала. Невеста выбрала. Клиент всегда прав, не забыла?

Она протыкает свой хар гоу и со злостью кусат его.

— Хм... — вздыхает старшая тетя. — Надо было сказать ей, что на азиатских волосах такая прическа будет смотреться иначе, чем на светлых. Но, — добавляет она, когда замечает, что вторая тетя уже готова взорваться, — неважно. Теперь уже поздно. Переезжаем...

— Продолжаем, — произносит младшая тетя.

— А? — спрашивает старшая тетя.

— Продолжаем. Говорится «продолжаем», а не «переезжаем». Переезд — это то, что ты делаешь, когда меняешь место жительства.

— Продолжаем. Хорошо.

Старшая тетя улыбается четвертой тете, и та в ответ так сияет, словно снова стала ребенком. Ма говорит, что четвертая тетя — любимица старшей тети, потому что она самая младшая в семье, и была таким умильно беспомощным ребенком, что украла сердце старшей тети прямо из груди.

«Она выхватила его прямо из груди», — много раз ворчала мама.

Я не стала спрашивать, была ли ма, как вторая по младшинству сестра, любимицей старшей тети вплоть до рождения четвертой тети.

— Что насчет цветов? — старшая тетя снова переходит на китайский, и я немного расслабляюсь.

Ма выпрямляется.

— Обо всем позаботились. Лилии, розы, пионы. А Гуан отвезет все утром на остров.